

«Норма — это диапазон возможностей»

Беседовал Петр Дейниченко

Русский язык меняется — и это слышно невооруженным ухом и заметно невооруженным взглядом. В такие переломные эпохи очень остро стоит вопрос сохранения культурного наследия, фиксации нормы, преподавания родного языка. Решению этих задач призван способствовать масштабный проект «Словари XXI века», совместно предпринятый издательским холдингом «АСТ-Пресс» и Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН. О процессах, происходящих сегодня в русском языке, рассказывает ведущий научный консультант проекта, заместитель директора Института русского языка РАН Мария Каленчук.

— На последней книжной ярмарке «non/fiction» была представлена книга Максима Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва», в которой автор очень резко подчеркивает свое неприятие того, что происходит сегодня с русским языком — на эмоциональном уровне.

— Я абсолютно не разделяю панических настроений, которые сегодня завладели многими. Как специалист, я не вижу ничего, выходящего за рамки обычного, никакой «порчи языка». Сто лет назад все тоже были на грани нервного срыва — открой любую работу: «великое русское слово умирает», «культура русской речи ушла в прошлое»...

— Тогда есть ли смысл говорить о норме?

— Конечно, есть. Литературный язык — это язык образованных людей, язык культуры. И, как любой памятник культуры, нуждается в бережном отношении и охране. Мне нравится фраза: «В языке прогрессивно все, что консервативно». Нужно немного притормаживать процесс резкого изменения норм. Если мы отпустим вожди, то язык Пушкина быстро станет для нас чужим. Помните историю о том, как современные дети рисовали картинку к строкам «Бразды пушистые взрывая, летит кибитка удалая»?

Я совершенно не разделяю мнения о том, что в наше время с языком происходит что-то необычайное. В языке всегда присутствуют два речевых стандарта, старший и младший, всегда наличествуют две параллельные системы, уходящая и новая. Смена языкового поколения происходит примерно за 25 лет. Поскольку люди стали жить дольше, можно говорить, что сейчас одновременно сосуществуют три произносительные системы — помимо фонетических «отцов» и «детей» появились фонетические «внуки».

— И что же делать в таком случае составителям словарей?

— Фиксировать реальное многообразие нормы, все промежуточные стадии. В конце концов, составители толковых словарей традиционно включают в словари архаизмы и неологизмы, снабжая их соответствующими пометами. Почему орфоэпические словари должны обходиться без этого? Мы тоже фиксируем хронологические варианты нормы, производимые «архаизмы» и «неологизмы», старое и новое, и они отражены в Большом орфоэпическом словаре, над которым мы сейчас работаем — прежде ничего подобного не было. И мы впервые поместили в него варианты, собственные «младшей» норме. Так, например, все словари разрешают только ударение гнАло, брАло, но в наше время ударение гналО, бралО в речи молодого поколения очень распространено. Ошибка это или появление новой закономерности? Подобная инновация отвечает внутренним потребностям языковой системы и поэтому, как нам кажется, должна рассцениваться для современного состояния языка как вариант «младшей» нормы.

— В последнее время много шума вызвали разговоры о реформе правописания. Общество разделилось по этому вопросу. А каково ваше мнение?

— Я знаю, что мое мнение здесь решительно отличается от мнения многих моих коллег и от преобладающих настроений в обществе — но я за реформу правописания. Не за косметические улучшения, а за серьезную реформу правописания. Любая такая реформа делается в интересах будущего поколения и всегда воспринимается болезненно. Сегодня самый нелюбимый предмет в школе — это русский язык. Изучение русского языка в школе вызывает объективную трудность; фактически школа сводит обучение языку к обучению правописанию. Между тем письмо — это условность, к языку оно отношения не имеет. Правописание должно быть прежде всего логичным, не должно существовать такого количества абсолютно необъяснимых исключений из правил.

— А не возникнет ли культурного разрыва? Ведь появится массив текстов, написанных по другой орфографии и быстро перевести их на новую не получится... Не перестанут ли люди читать? Говорят, что реформа 1918 года не привела к такому разрыву, но ведь она проходила в условиях, когда значительная часть населения была вовсе негра-

Мария Каленчук

мотна. Людей просто сразу учили по-новому...

— Реформа 1918 года не оторвала же от нас русскую классику.

— Но реформа XVIII века оторвала от нас допетровскую традицию.

— Конечно, аромат эпохи уходит с реформой письменности. Для образованного человека это не препятствие. Повторю — письмо вторично, первичен язык. Если название известного стихотворения «Пловец» написать через А, оно станет от вас дальше? А ведь с точки зрения общих законов русского письма такое написание было бы логичным. Сейчас написания типа «пловец» подчиняются в школьной практике удивительной закономерности — проверить можно, но нельзя. У нашего поколения необычные написания поначалу, может быть, вызовут культурный шок, но... Я не вижу большой опасности.

— А что происходит со звучащей речью в масштабах страны? Какие процессы преобладают?

— Конечно, люди никогда не будут говорить одинаково. Это утопия. Взять историю московской и петербургской систем произношения — две литературные нормы, долгое время сосуществовавшие. Санкт-Петербург с самого начала был в другом диалектном окружении, там преобладали северо-западные говоры. С середины XVIII до середины XX века различия нарастали — но как только широко распространились радио и телевидение, москвичи и петербуржцы заговорили почти одинаково — по-московски, потому что все дикторы имели московскую выучку.

Можно подумать, что под влиянием звучащих СМИ произношение унифицируется, но все не так однозначно, и сегодня далеко не все образованные люди говорят «по-московски». Существуют северорусский и южнорусский варианты литературного произношения. Чтобы почувствовать разницу, достаточно вспомнить, как говорили Ельцин и Горбачев. И в этом нет ничего негативного. Надо радоваться разнообразию.

— Вы были председателем экспертного совета конкурса среди журналистов электронных СМИ по владению русской речью «Как наше слово отзовется». Ваши впечатления?

— А чем речь журналистов должна отличаться от речи остальных жителей страны? Это раньше мы воспринимали речь радио и телевидения как некий образец, который контрастировал строгостью запретов и обязательностью следования норме с обычной речью. Но в последние годы произошло полное слияние речи СМИ с речью улицы. Плохо это или хорошо — трудно сказать.

Норма — это диапазон возможностей, а не единственный вариант — это постулат современной лингвистики. Еще полвека назад дело обстояло иначе — отсюда и принятая ранее жесткая «нормативность» речи СМИ. Но сегодня мы радуемся многообразию, мы понимаем, что норма — это не единственно правильный способ реализации языковых единиц, а набор таких возможностей, отличающихся функционально и стилистически, различных у людей разного возраста, места жи-

тельства, культурной традиции. Но ситуация неоднозначна. Доперестроечную серость, «стертость», обезличенность — и при этом правильность! — телевизионной и радиоречи в 1990-е сменила ломка всех стереотипов, «разброд и шатание», когда в эфире стало возможным все.

Теперь вроде бы снова входим в рамки — и снова СМИ захватывают серость, клишированность и однообразие. В конкурсе участвовало много федеральных и региональных каналов, программ и отдельных авторов, но отличить их друг от друга подчас было невозможно. Уходит индивидуальность, отсутствие авторской манеры речи — и это опасная тенденция. Я ведь говорю не о том, как ставить ударение — звонИт или звОнит, это у всех должно быть одинаково, но об интонации, об окрашенности речи, о соответствии формы и содержания. Во многих программах поражает неестественный для русской речи темп. А эта удивительная интонация, с которой ведущий в студии и корреспондент общаются друг к другу: «Алла-а?» (Жаль, что в печатном тексте невозможно воспроизвести этот дивный прононс. — Прим. ред.) Совершенно неоправданное логическое ударение в речи журналистов. В результате каким-то образом даже в самых невинных сюжетах нагнетается тревожность — о концерте детского хора или большом урожае помидоров говорят с той же интонацией, что о катастрофе самолета. Это проверено экспериментально — мы записывали такие невинные репортажи, а потом модифицировали звук так, что разобрать слова было невозможно, оставалась только интонация, и спрашивали людей: как по-вашему, о чем они говорят? В большинстве случаев наши информанты считали, что это репортаж о войне или стихийном бедствии.

— Вы совместно с издательством «АСТ-Пресс» начали работу над программой «Словари XXI века». Зачем нужна эта программа — ведь словари сейчас вроде бы выпускают в изобилии?

— Количество словарей на прилавках, к сожалению, не радует, а пугает. Идет вал — и в основном этот вал состоит из откровенной халтуры. В лучшем случае предлагают более или менее грамотно составленные компиляции из других изданий. В худшем случае это что-то неприемлемое с точки зрения качества. Это касается и той словарной продукции, что ориентирована на школьников. Мы протестовали, писали раз-

громные рецензии, но вскоре поняли, что рецензии читают одни люди, а словари покупают другие, что единственный действенный способ противостоять халтуре — предложить качественную работу. Это и есть реальная борьба за культуру русской речи.

Совместно с издательством «АСТ-Пресс» Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук начал реализацию совершенно новой для нашей страны программы «Словари XXI века». Мы предполагаем выпустить в ближайшие годы около ста (!) словарей русского языка разного типа. Причем это не случайный подбор словарей и авторов, а системная реализация современной лексикографической концепции. Лингвисты и издатели, объединившись, проанализировали ситуацию и выявили, каких именно словарей и какого типа не хватает, в чем именно состоит потребность общества. Мы попытались предположить, какие словари окажутся нужнее всего, и предложили в рамках этой программы пять линеек словарей, рассчитанных на разные категории читателей. Это прежде всего фундаментальные научные словари большого объема — дорогие и малотиражные, академические в полном смысле слова, ориентированные в первую очередь на специалистов; более доступные настольные словари немного меньшего объема, рассчитанные на широкую аудиторию; малые научно-популярные издания (популярные, но не примитивные); школьные и, наконец, карманные словари — последние практически не представлены на российском рынке, но весьма распространены в других странах. Кроме того, планируется выпуск энциклопедий и справочников. Но вопрос, конечно, не столько в количестве словарей, которые будут выпущены в рамках нашей программы. Вопрос в их качестве. Все словари должны быть результатом серьезных научных изысканий, в них должны быть воплощены представления современной русистики, они должны пройти экспертизу Российской академии наук. Поверьте, это очень непросто.

Одним из первых в рамках этой программы выйдет фундаментальный Большой орфоэпический словарь под редакцией Л.Л. Касаткина, работа над ним будет закончена в этом году. Он будет включать около 120 000 слов. На подходе — фундаментальный Орфографический словарь и многое другое.